

BIBLIOTECA MUNICIPALĂ „BOGDAN PETRICEICU HASDEU”
BIBLIOTECA EVREIASCĂ „IȚIC MANGHER”

ARHIVARIUS

REVISTA SECȚIEI ANALITICĂ ȘI RELAȚII EXTERNE

КИШИНЁВСКИЙ ПОГРОМ 1903 ГОДА
ESCOUL MĂCELULUI DIN 1903

ISSUE 08 • 2023 • FREE

SUMAR

АННА БАЦМАНОВА

Вступительное слово 3

ЯКОВ КОПАНСКИЙ

Письма В. Г. Короленко из Кишинева,
июнь 1903 года 4

САВВА ПЫНЗОРУ

Омерзительное кишиневское злодеяние: русские
писатели против погромщиков 19

DUMITRU HÎNCU

Ecoul Măcelului din 1903 20

МИРОСЛАВА МЕТЛЕАЕВА

Выдающийся градоначальник 21

COLEGIUL DE REDACȚIE

Anna Bațmanova, director

Biblioteca Evreiască „I. Mangher”

Miroslava Luchiancova, doctor în filologie, redactor

Biblioteca Evreiască „I. Mangher”

Mariana Cocieru, doctor în filologie, redactor tehnic

Institutul de Filologie Română „Bogdan Petriceicu-Hasdeu”,

Biblioteca Evreiască „I. Mangher”

Copertă, design, machetare:

Mariana Cocieru

Adresa: mun. Chișinău, str. Eugen Doga, 4

Tel.: 022 24 12 03

Site: <http://sector-analitica-si-relatii-externe.blogspot.com>; <https://ebraika.ru>

Email: mangher.bibl@gmail.com

Biblioteca Municipală
B.P. HASDEU

calea ta spre cunoaștere!

Filiala „IȚIC MANGHER”

Каждый год 6 апреля мы
вспоминаем

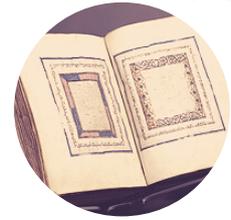
КИШИНЕВСКИЙ ПОГРОМ 1903

שמיני
מסגרת

Revista trimestrială „Arhivarius”: Revista Secției Analitice și Relații Externe, a Bibliotecii Evreiești „Ițic Mangher”, filială a Bibliotecii Municipale „B. P. Hasdeu”, apare din aprilie 2021, în limbile română și rusă. Varianta electronică a revistei poate fi accesată: <http://sector-analitica-si-relatii-externe.blogspot.com>; <https://ebraika.ru>.

АННА БАЦМАНОВА

Дорогие читатели «Архивариуса»!

В этот номер «Архивариуса» мы посчитали необходимым включить работы известных ученых, посвященные теме Кишиневского погрома, явившегося предтечей Холокоста, не только как напоминание, но и как предупреждение о том, что тема антисемитизма не исчезла, не ушла в небытие. В последнее время появились публикации, в которых наблюдаются попытки некоторого пересмотра этой трагической страницы в истории. Например, статья в Интернете от 19.04.2021 «Кишинёвский погром. Кто на самом деле виновен в нападении на евреев, бросившем тень на Российскую империю» (<https://ukraina.ru/20210419/1031174948.html>). В самом названии есть некое несоответствие с общеизвестными документами и фактами и новые попытки обелить роль царских властей и их пособников в этой трагической истории.

120 лет прошло после злодеяния, вошедшего в историю под названием «**Кишиневский погром 1903 года**», но общественное внимание к этому событию не ослабевает. И если в советские времена внимание к событиям того времени не акцентировалось по причинам закамouflированного государственного антисемитизма и известны они были в узких научных кругах, а также сохраняясь в воспоминаниях местных очевидцев, то после провозглашения независимости Республики Молдова появилась возможность обстоятельных исследований о происшедшем с опорой на архивные источники.

В 2004 году появилась статья хорошо известного в Молдове и за рубежом историка **Якова Михайловича Копанского** «**Кишинёвский погром 1903 года: Взгляд через столетие**», дающая представление об этом событии в постсоветских условиях. В круг научных интересов автора входили исторические, социальные и культурологические процессы, характерные для общественно-политического развития Республики Молдова и ряда других стран, в том числе и вопросы истории евреев Молдовы, связанных с трагическими событиями столетней давности. В статью были внесены новые существенные дополнения к имеющимся на тот момент подходам к причинам и последствиям погрома.

Заслуживает пристального внимания статьи известного молдавского ученого и публициста **Саввы Пынзару**, доктора хабилитата филологии, автора монографий о Льве Толстом и о Максиме Горьком. В его работах литературоведческие вопросы тесно переплетаются с социально-политическим бессарабским контекстом. Такое драматическое событие, как погром 1903 года, и реакция на него со стороны русской писательской прогрессивной мысли того времени не могли пройти мимо внимания наблюдательного исследователя-гуманиста. Его статья «**Омерзительное Кишиневское злодеяние**» дает представление об отношении русских передовых писателей к закулисной «деятельности» имперских кругов, приведшей к хорошо продуманной программе погрома.

Трагические события в Кишиневе привлекли внимание прогрессивной общественности всего мира. Не остались в стороне и румынские деятели науки. **Думитру Жынку**, известный ученый по изучению истории евреев Румынии, автор многочисленных трудов, в которых включены в научный оборот свидетельства и документы относительно положения евреев в Румынии, в движение солидарности с евреями за пределами страны, в т. ч. в Бессарабии, в статье «**Эхо зверств 1903 года**», изданной в 2004 году, исследовал ряд отобранных и прокомментированных им публицистических материалов и откликов на кровавые расправы с евреями Кишинева в трагические апрельские дни 1903 года.

Источником представленных в «Архивариусе» статей является альманах писателей Молдовы «**Ветка Иерусалима**», посвященный памяти жертв погрома 1903 г., изданный издательством «Ruxanda» в 2003 году.

В номер включен очерк о **Карле Шмидте**. Кишиневом за всю его почти 6-вековую историю правили десятки градоначальников. Перечень их фамилий нам ничего не скажет. За исключением одной – Карл Шмидт. Он был кишинёвским городским головой с 1877 по 1903 год. Будучи человеком чести, он подал в отставку после погрома 1903 года, так как не мог смириться с событием, произошедшим в его правление.

ПИСЬМА В. Г. КОРОЛЕНКО ИЗ КИШИНЕВА ИЮНЬ 1903 ГОДА (К ИСТОРИИ ОЧЕРКА «ДОМ № 13»)

Раненые во время погрома у Кишиневской Еврейской Больницы, апрель 1903 г.

Драматическим событиям в Кишиневе в апреле 1903 года предшествовали ложные слухи о ритуальном убийстве христианского мальчика в Дубоссарах, распространявшиеся газетой П. Крушевана «Бессарабец». Накал антисемитской пропаганды не ослаб и после официального опровержения этих измышлений. В городе распространялись рукописные листовки, призывавшие к расправе над евреями.

Губернские и городские власти, среди которых было немало антисемитов, были предупреждены о возможности нападений на евреев в дни христианской Пасхи. Но реальных мер для их предотвращения не было принято.

Начавшиеся 6 апреля антиеврейские

беспорядки вылились, при попустительстве властей, в кровавый погром. Дубинами, молотами, лопатами громилы калечили и убивали свои жертвы, разрушали дома и магазины, уничтожали и грабили имущество. Бесчинства прекратились только тогда, когда к концу второго дня войска получили приказ вмешаться и прекратить кровопролитие. Отдельные вспышки погромных действий отмечены еще утром 8 апреля.

49 убитых, около 500 раненных, более 1350 разоренных домов, свыше 500 разрушенных магазинов и лавок – таковы итоги погромных акций 6-8 апреля 1903 года в Кишиневе.

Погром развертывался на глазах у полиции и так называемой «благородной публики», которая бесстрастно наблюдала за происходившим. Были, однако, и такие, которые пытались образумить громил, многие христиане прятали у себя целые еврейские семьи [1].

Вопреки цензуре весть о событиях в Кишиневе практически тотчас же стала достоянием общественности России и далеко за ее пределами. Неуклюжая попытка Российского правительства свалить вину за погром, главным образом, на евреев мало кого убедила. В мире развернулось бурное движение протеста против антисемитской политики царизма, который рассматривался как главный виновник случив-

шегося. Европейская и американская пресса клеймила погромщиков. Крупнейшие международные и национальные организации самых разных политических направлений, различные конфессии выступили с решительными заявлениями, требовавшими положить конец дискриминации евреев. Особую боль и гнев кишиневские события вызвали у еврейских общин различных стран. Послание сочувствия направил в Кишинев Президент Всемирной сионистской организации Т. Герцль. В крупнейших городах мира прошли собрания и митинги протеста.

В ряде стран в этом движении участвовали представители государственных структур. По всему миру шел сбор средств в пользу погромленных евреев Кишинева.

**„Stop your cruel oppression of the Jews”,
Emil Flohri, 1905 September 30**

Чувства возмущения и горечи вызвал кишиневский погром у прогрессивной общественности России. Негодование по поводу злодеяний и осуждение вандализма и его вдохновителей выразили Л. Толстой, М. Горький, другие писатели и публицисты, цвет российской науки, представители художественной интеллигенции. В защиту жертв погрома встали выдающиеся русские адвокаты. Особенно резко выступили радикальные силы, их органы печати,

подпольные революционные организации и политическая эмиграция [2].

На Кишиневские события, как известно, откликнулся и Владимир Галактионович Короленко, известный русский писатель и публицист, гуманист и демократ, сегодня мы назвали бы его правозащитником, один из тех, кто олицетворял совесть русского народа. В июне 1903 года он совершил поездку в Кишинев. Приехал 11 июня. Остановился в Парижской гостинице, где, кстати, тогда снимал номер его добрый знакомый, писатель и журналист Николай Петрович Ошешов, также собиравший материалы о погроме.

Наша статья основана на нескольких его письмах из Кишинева, адресованных родным. Они были опубликованы в раритетном издании 1932 года [3].

Письма эти позволяют, на наш взгляд, полнее восстановить историю создания известного очерка «Дом № 13», вернее воссоздать атмосферу, в которой вырвался его замысел.

«План моих действий, – сообщает он в первом письме, написанном брату Иллариону тотчас же по приезде, – состоит в

**Жертвы Кишиневского погрома,
апрель 1903 г.**

том, чтобы отправиться по указанным адресам и разыскать кого-нибудь из адвокатов» [4].

С кем конкретно за исключением упомянутых в очерке лиц [5] он общался в течение почти четырех дней нами пока не установлено.

«Два дня, – напишет он 12 июня, – я провел в кругах самых антисемитских, выслушивая не столько мнения, сколько «выражения чувств». Впечатления, правду сказать, довольно неприятные, тем более, что люди далеко не все дурные... С сегодняшнего дня начинаю посещать других людей и слушать другие мнения» [6].

По утрам и вечерам он бродил по городу «по предместьям и базарам, заговаривая о происшедшем с евреями и христианами» [7], осмысливая услышанное и увиденное. Затем записывал свои впечатления.

О том, как удручающе подействовала на писателя обстановка в городе через два месяца после погрома свидетельствуют следующие фрагменты из писем: «Чувствую, что нужно уезжать: столько и такой тяжелой гнусности наполняет здешнюю атмосферу» [8]. И, наконец, 15 апреля, уже, будучи в Одессе: «Пребывание в Кишиневе произвело на меня впечатление очень тяжелое: антисемитизм загадил всю жизнь. Народ есть хороший, но основной тон жизни ужасен» [9].

Что касается размышлений о характере будущего отклика на кишиневские события, обращают на себя внимание следующие моменты из этих писем: «...он (имеется в виду Н. П. Ошешов – автор) старается набрать побольше фактов, я беру отдельные картины» [10].

«Не знаю, успею ли, но мне хочется написать то, что я здесь чувствую, и написать так, в виде отдельных и непосред-

ственных набросков, без претензий дать сколь-нибудь исчерпывающую картину»! [11]. И далее: «Сделать что-нибудь и написать что-нибудь действительно важное и разъясняющее – очень трудно. Одним словом – завтра еду с наличием запасов впечатлений. И уже а Полтаве разберусь в них и увижу, можно ли из этого хоть что-нибудь сделать для «Русского Богатства» [12].

Жертвы Кишиневского погрома, апрель 1903 г.

Глубоко огорченный всем тем, что он увидел и услышал в Кишиневе, вновь с «вечно волнующим» вопросом о том, каким образом «человек обыкновенный, средний вдруг превращается в дикого зверя, в целую толпу диких зверей» [13] и надеждой, что «все пружины этого преступного деда когда-нибудь выступят наружу» [14], писатель приступил к написанию того, что написал.

«Мне хочется все-таки поделиться с читателем бледным отражением этого ужаса, которым пахнуло на меня от моего короткого пребывания в Кишиневе, спустя два месяца после погрома» [15], – скажет он, когда произведение уже было написано.

Так появился очерк «Дом № 13», в котором писатель на примере одного кровавого эпизода с большой художественной силой увековечил трагедию 6-8 апреля

1903 года в Кишиневе.

Таким образом, письма передают душевное состояние писателя во время его пребывания в Кишиневе, чувство омерзения, которое вызвала у него ксенофобия, неприятие им национальной розни, опасения за судьбы культуры, нравственного здоровья народа, моральных устоев общества.

Письма писателя позволяют проследить, как складывалось его видение происшедшего, его раздумья о том, каким должен быть его печатный отклик на Кишиневский погром.

Известно, что «Русское Богатство» по цензурным соображениям не опубликовало очерк. Однако в том же году он был издан за рубежом в нескольких изданиях. Только в 1905 году в Харькове издательство В. И. Раппа выпустило его отдельным изданием. (К слову сказать, поэтом и прозаиком Яковом Хар-Эвенем, он был впоследствии переведен на иврит) [16].

Что касается самого очерка, то он вошел в золотой фонд русской и мировой литературы. Больше чем иные политические трактаты, он напоминает о том ужасе, который несут с собой ксенофобия и национальная рознь.

Сам писатель впоследствии вернется к

Жертвы Кишиневского погрома, апрель 1903 г.

теме кишиневского погрома, чтобы напомнить (что он сделал в 1911 году), как «по поводу памятного убийства мальчика в Дубоссарах крушевановская газета в течение целых недель перед Пасхой развешивала перед населением ужасающие подробности истязания мальчика целой толпой изуверов-евреев...», напомнить о «кровавой Кишиневской Пасхе, полной ужасов, крови и позора» [17].

1. См.: *Кишиневский погром 1903 года. Сборник документов и материалов.* Кишинев, 2000.

2. См.: Копанский Я. М. *Кровавые события 1903 года и мировая демократическая общественность.* В: *Кишиневский погром 1903 года.* Кишинев, 1993, с. 62-87; Жигня К. Л. *Процессы по делам Кишиневского погрома 1903 года: видные российские адвокаты против судебных властей // Евреи в России. Труды по иудаике.* Санкт-Петербург, 1998, выпуск 5.

3. Короленко В. Г. *Избранные письма. Т. Н. Общественная и политическая деятельность (1881, 1890-1913 г.).* Москва: Кооперативное издательство «Мир». 1932.

4. Там же, с. 201.

5. Он также упоминает человека, не уточняя кто именно, который помогал ему восстановить детали происшедшего.

6. Короленко В. Г. *Собрание сочинений в шести томах.* Москва, 1971, Т. 6, с. 76.

7. Короленко В. Г. *Избранные письма,* Т. П., с. 202-203.

8. Короленко В. Г. *Собрание сочинений в шести томах,* Т. 6, с. 63.

9. Короленко В. Г. *Избранные письма,* Т. П., с. 204.

10. Там же.

11. Там же, с. 204 и с. 203.

12. Там же, с. 204.

13. Короленко В. Г. *Собрание сочинений в шести томах.* Т. 6, с. 63.

14. Там же.

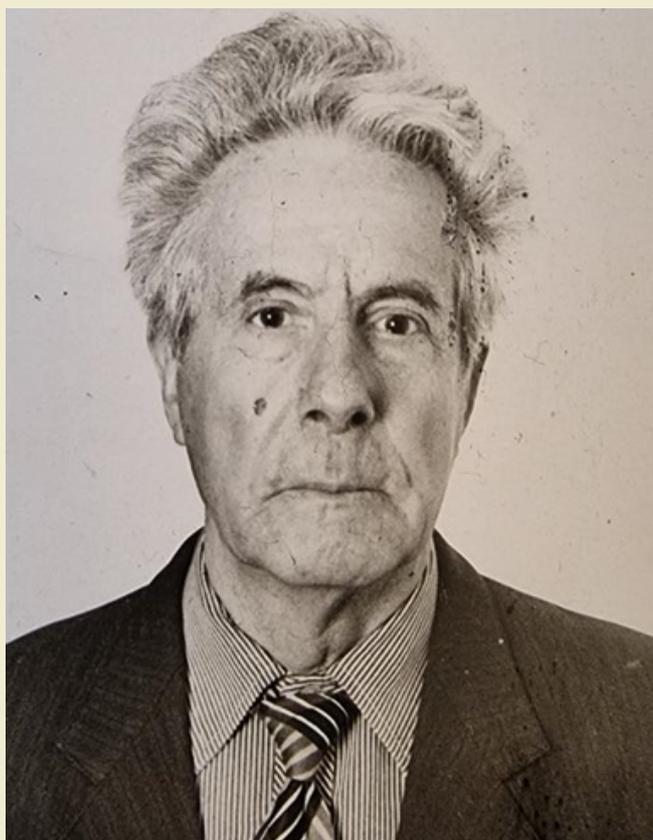
15. Там же, с. 64.

16. Яновер М. *Резонанс погрома // Еврейский резонанс.* Израиль, 31.10.2002.

17. Цит. по Резник С. *Кровавая карусель.* Москва, 1991, с. 99-100. Это высказывание полностью переключается с отрывком из неизданной главы очерка, приводимым С. Г. Пынзару в статье «Омерзительное Кишиневское злодеяние».

ОМЕРЗИТЕЛЬНОЕ КИШИНЕВСКОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ

Русские писатели против погромщиков

**Савва Пынзару, доктор хабилитат филологии
(р. 8 июля 1932 г., Ханска – с. 5 мая 2012 г., Кишинев)**

«Я приехал в Кишинев спустя два месяца после погрома, но его отголоски были еще свежи и резко отдавались по всей России. В Кишиневе полиция принимала самые строгие меры. Но следы погрома изгладить было трудно: даже на больших улицах виднелось еще много разбитых дверей и окон. На окраинах города этих следов было еще больше...».

Так начал свой знаменитый очерк «Дом № 13» замечательный русский писатель, демократ и гуманист В. Г. Короленко. На примере одного эпизода, одного дома воспроизводилась «страшная и загадочная драма» – таким предстал перед всем миром еврейский погром в Кишиневе 6-7 апреля 1903 года.

«За последние годы, – писал А. М. Горький, – в нашей стране все чаще и чаще совершаются события, позорящие ее. Но самое позорное дело, возбуждающее ужас, стыд и негодование, – страшное избиение евреев в Кишиневе. Кого винить в этом гнусном преступлении, которое ложится на всех нас, русских, кровавым пятном позора, которое и века не смоют со страниц печальной истории нашей темной страны?».

События в Кишиневе 6-7 апреля 1903 года возникли как будто неожиданно и внезапно, но закулисные репетиции трагедии начались задолго до самого погрома и проводились по хорошо продуманной программе.

Погрому, писал В. Г. Короленко в неизданной главе «Дома № 13», предшествовал «кровавый, мрачный, изуверский призрачный ритуальный убийства»: 9 февраля 1903 года в бессарабском городке Дубосары убили мальчика. Были пушены темные слухи о ритуальном характере убийс-

тва, которые тотчас же подхватила газета «Бессарабец» яркого местного антисемита П. Крушевана, петербургское «Новое время» Суворина и «Свет» Комарова (о чем упоминает в своем очерке В. Г. Короленко). Эти газеты систематически заполняли свои страницы ужасающими вымышленными «подробностями» дубоссарского убийства. «И это, – писал в той же неизданной главе своего очерка Короленко, – день за днем, номер за номером повторялось в течение целых недель. И это одно царило над воображением целого края, так как «единственная газета» («Бессарабец» Крушевана) приводила лишь те отзывы столичной прессы, которые повторяли ее собственные мрачные измышления». Прогрессивная печать вынуждена была молчать по этому поводу, так как министр внутренних дел Плеве издал по цензурному ведомству циркуляр, которым дубоссарское дело было изъято из обсуждения печати, (произошла, как видим, та же история, что и с циркуляром 1901 года, в котором запрещалась публикация материалов, где выражалось сочувствие Толстому, отлученному от церкви).

Жертвы Кишиневского погрома, апрель 1903 г.

Трагические события в Кишиневе привлекли внимание прогрессивной общественности всего мира. Они явились еще и ярким доказательством поистине непоко-

лебимого авторитета Л.Н. Толстого. Именно к нему как к высшему судье и обратились взоры тысяч и тысяч его соотечественников, а также прогрессивных кругов за рубежом. Честные люди России и всего мира с нетерпением ждали мужественного слова великого писателя в связи с событиями в Кишиневе.

Одним из первых с просьбой высказаться по поводу кишиневского еврейского погрома обратился к Льву Николаевичу зубной врач из Елисаветграда Э. Г. Линецкий, письмо которого датировано 18 апреля 1903 года. 27 апреля Л. Н. Толстой написал ответное письмо Линецкому, из которого, между прочим, можно узнать, почему он высказался о кишиневских событиях не по горячим следам, а с некоторым опозданием.

«Эммануил Григорьевич, – писал Толстой Линецкому, – я получил Ваше письмо. Таких писем я получил уже несколько. Все пишущие, так же, как и Вы, требуют от меня, чтобы я высказал свое мнение о кишиневских событиях. Мне кажется, что в этих обращениях ко мне есть какое-то недоразумение. Предполагается, что мой голос имеет вес, и поэтому от меня требуют высказывания моего мнения о таком важном и сложном по своим причинам событии, как злодейство, совершенное в Кишиневе. Недоразумение состоит в том, что от меня требуется деятельность публициста, тогда как я человек, весь занятый одним очень определенным вопросом, не имеющим ничего общего с современными событиями: именно, вопросом религиозным и его приложением к жизни».

Жизнь впоследствии опровергнет слова Толстого о «недоразумении» в отношении его как публициста, ничего общего с современными событиями не имеющего, и наглядно покажет, как велик и авторитетен

его «вес» во всех вопросах внутренней и международной жизни. В этом плане далеко за примерами ходить не надо: вспомним хотя бы такие блестящие образцы истинно толстовской, подлинно – гражданской публицистики, как статьи «Не убий никого» (1907), «Не могу молчать» (1908) и другие. Как показало время, Толстой – великий гражданин. Толстой – гуманист и интернационалист «не мог молчать» и по поводу трагических событий 1903 года в Кишиневе. Фактически, свое мнение он высказал уже в приведенном ответе на письмо Линецкого: «ужасное кишиневское событие», «кишиневское преступление», «ужас совершившегося», «тяжелое смятенное чувство», «невинные жертвы зверства толпы», «недоумение перед озверением людей», «чувство отвращения и омерзения к возбудителям толпы» – это ли не оценка событий?!

Последствия погрома

В письме к Линецкому Толстой без обиняков называет и «настоящего виновника всего – наше правительство со своим одуряющим и фанатизирующим людей духовенством и со своей разбойнической шайкой чиновников». Такое же письмо было написано Толстым и известному московскому пианисту тех лет Л. С. Шору, обратившемуся к писателю с тем же вопросом о кишиневском погроме. Наиболее

резкие выражения из писем Толстого Линецкому и Шору перейдут, как увидим несколько позже, в отредактированное (а по существу заново написанное) Толстым коллективное письмо кишиневскому городскому голове.

Опустошенная молельня с разорванными свитками Священных Писания, 1903 г.

В середине апреля 1903 года Л. Н. Толстой получил из Москвы от профессора Московского университета Н. И. Стороженко письмо с просьбой подписать коллективную телеграмму группы московской интеллигенции на имя кишиневского городского головы. Текст телеграммы был следующий: «Глубоко потрясенные зверствами, жертвой которых сделались евреи г. Кишинева, мы выражаем наш ужас перед случившимся, чувство жгучего стыда за христианское общество и безмерное негодование против гнусных подстрекателей темной массы».

Ответное письмо от 27 апреля говорит само за себя.

«Дорогой Николай Ильич, – писал Толстой, – Я очень рад подписаться под телеграммой. Мне только не нравится выражение «жгучего стыда за христианское общество». Нельзя ли исключить эти слова или всю телеграмму изменить так: «Глубоко потрясенные совершенным в Кишиневе злодеянием, мы выражаем наше болезненное сострадание невинным жертвам зверства толпы, наш ужас перед этим

зверством русских людей, невыразимое омерзение и отвращение к подготовителям и подстрекателям толпы и безмерное негодование против попустителей этого ужасного дела». Поскольку с момента кишиневской трагедии прошло относительно много времени, решено было на имя кишиневского городского головы отправить не телеграмму протеста, а письмо. Кроме Л. Н. Толстого, его подписали свыше десяти видных представителей московской прогрессивной общественности, среди которых выдающийся русский ученый академик В. И. Вернадский, профессор Московского университета кн. С. Н. Трубецкой, известный юрист и общественный деятель Н. В. Давыдов и другие. Письмо печаталось в том же 1903 году во многих русских и иностранных изданиях. Но в нем, в отличие от писем Л. Н. Толстого к разным лицам, нет одной очень существенной детали, а именно: «настоящего виновника» трагических событий в Кишиневе, то есть царского правительства. Это снижало разоблачительный пафос коллективного письма. В нем присутствовал не весь Толстой с его гражданским мужеством и поразительным бесстрашием. Но ведь, предлагая свою, безусловно более удачную, редакцию письма. Толстой выражал не только свое личное мнение в связи с кишиневскими событиями, но имел в виду мнение коллективное! Да и знал, видимо, что такое высказывание в печати не пройдет. «Мне неудобно высказываться, – говорил Лев Николаевич в письме к дочери от 6 мая 1903 года, – потому что виною всему наше правительство, мучающее евреев и одуряющее русских». Более конкретно и более резко по этому вопросу Толстой высказывался в письме к Шолом-Алейхему, написанном в тот же день, 6 мая: «На днях мы из Москвы послали коллективное письмо

Кишиневскому голове, выражающее наши чувства по случаю этого ужасного дела... К сожалению, то, что я имею сказать, а именно, что виновник не только кишиневских ужасов, но всего того разлада, который поселяется в некоторой малой части – и не народной – русского населения – одно правительство. К сожалению, это-то я не могу сказать в русском легальном издании».

Люди, пострадавшие в результате погрома

На следующий день, 7 мая, Л. Н. Толстой получил от редакции «Североамериканской» газеты» (Филадельфия) телеграмму следующего содержания: «Виновата ли Россия в Кишиневском погроме? Ответ тридцать слов оплачен». Собственно, в Америке, да и во всем мире, истинный виновник и вдохновитель кровавых событий в Кишиневе был известен. Требовалось лишь авторитетное подтверждение этой позорной для русского самодержавия истины. Американской газете была отправлена (тоже на английском языке) ответная телеграмма следующего содержания: «Виновато русское правительство, первое: выделением евреев в особую касту, лишенную общих прав, второе: насильственным внушением народу идолопоклонства под видом христианства». Слово, которого с нетерпением ждали все честные люди и которое Толстой не мог сказать в русском легальном издании, было, нако-

нец, произнесено и услышано во всем мире. Боясь, что телеграфом его ответ не дойдет, 23 мая 1903 года Толстой повторяет текст телеграммы в письме и отправляет его редакции американской газеты.

Так три достойнейших представителя передовой русской культуры начала XX века – Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, А. М. Горький – во весь голос сказали миру свое веское слово. Они показали, что в кишиневском и во всех других преступлениях была виновата не вся Россия, а только русское самодержавие, видевшее в разжигании антисемитизма и межнациональной розни вообще один из источников своего существования.

«Русское общество, чтобы снять со своей совести хоть часть позора и стыда за кишиневское дело, – писал Горький по поводу еврейского погрома 1903 года, – должно прийти на помощь разоренным и осиротевшим евреям – нации, которая дала миру столько истинных великих людей и, несмотря на ужас и гнет своего положения в мире, все продолжает создавать их...».

27 апреля 1903 года к Л. Н. Толстому обратился с письмом известный прогрессивный еврейский писатель С. Н. Рабинович (Шолом-Алейхем) с просьбой представить что-нибудь для литературного

Кишинёвский погром, домик на Бачойской рогатке

сборника в пользу пострадавших от кишиневского погрома евреев.

6 мая того же года Лев Николаевич относительно просьбы Шолом-Алейхема отвечал следующее: «Я очень рад буду содействовать вашему сборнику и постараюсь написать что-либо и соответствующее обстоятельствам».

Спустя месяц после написания письма Шолом-Алейхему, 9 июня 1903 года, Толстой в своем Дневнике среди других творческих замыслов называет «рассказ о бале и сквозь строй». В последующие дни, обдумывая сюжеты новых произведений, Толстой, как бы приступая к реализации своего обещания, делает в Дневнике запись: «2) В еврейский сборник: веселый бал в Казани, влюблен в Ко(рейшу) красавицу, дочь воинск(ого) начал(ьника)-поляка, танцует с нею; ее красавец старик-отец ласково берет ее и идет мазурку. И на утро после влюбленной бессонной ночи звуки барабана и сквозь строй гонит татарина, и воинск(ий) начальник велит больней бить. (Очень бы хорошо)». Так зарождался замысел одного из хрестоматийных рассказов Толстого «После бала», первоначально называвшегося по-разному: «Дочь и отец» («Отец и дочь»), «А вы говорите» и другие.

Именно такое произведение, пронизанное открытым и резким социальным протестом против бесчеловечного обращения с простой солдатской массой, цивилизованного самодурства и произвола представителей «высших классов» русского общества, по замыслу Л. Н. Толстого, должно было более всего «соответствовать обстоятельствам».

Автор делал разные варианты, вносил в каждый из них много новых изменений, оставлял рассказ и опять к нему возвращался. Общее количество рукописного ма-

териала, относящегося к названному рассказу, исчисляется в 104 листа, тогда как известный всем текст самого рассказа в юбилейном издании занимает ровно девять страниц. К сожалению, работа Толстого по отделке этого произведения не была завершена, и рассказ при жизни великого писателя не был опубликован. Он увидел свет в издании «Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого» под редакцией В. Черткова в 1911 году. В дооктябрьской Молдавии рассказ «После бала» впервые был опубликован в газете «Бессарабия» № 228 от 4 декабря 1911 года.

В чем же, в таком случае, выразилось участие Л. Н. Толстого в упомянутом сборнике Шолом-Алейхема? «Написал три сказки, – отметит Толстой в своем Дневнике 25 июля 1903 года. – Еще плохо, но может быть порядочно». «Лев Николаевич, – писал друг семьи Толстых А. Б. Гольденвейзер 7 августа 1903 года, – написал три сказки: «Три вопроса», «Труд, смерть и болезнь», «Ассирийский царь Асархадон». Сказки эти Лев Николаевич посылает в сборник в пользу евреев, пострадавших от кишиневского погрома. Впрочем, вероятно, напечатать можно будет только одну – первую, так как другие две едва ли пропустит цензура».

О том, что сказки закончены, Толстой записывает в Дневнике 9 августа, а на следующий день сообщает об этом в Англию В.Г. Черткову: «Написал я за это время три сказки, которые отдал в еврейский сборник в пользу пострадавших в Кишиневе, и списки пришлю вам». Последующие дневниковые записи свидетельствуют о величайшей требовательности к себе: Лев Николаевич недоволен своей работой. Поэтому и сообщение В. Черткову оказалось преждевременным. После этого письма

писатель вновь сел за сказки, и лишь спустя десять дней были посланы в Варшаву «Три вопроса» и «Ассирийский царь Асархадон». «Посылаю вам две сказки для перевода их на жаргон (на идиш – С. П.) и напечатания в еврейском сборнике, издаваемом в пользу пострадавших в Кишиневе евреев, – писал Толстой. – Очень рад буду, если помещение этих сказок в сборнике сколько-нибудь поспособствует успеху издания». Через два дня Шолом-Алейхему была послана и третья сказка – «Труд, смерть и болезнь».

Похороны жертв кишиневского погрома, 1903 г.

Рукопись сказок была отправлена Черткову в Англию. Искренне заботясь об успехе сборника Шолом-Алейхема, Лев Николаевич писал Черткову: «Я думаю, что не следует издавать (сказки – С. П.) ни по-русски, ни по-английски, ни по-каковски (разумеется, в случае, если это найдено будет стоящим печатания и перевода) до тех пор, пока выйдет сборник и даже несколько после».

В августе 1903 года в Варшаве, в издательстве «Тушия» вышла в переводе на идиш книга «Гилф» («Помощь». Литературный сборник с иллюстрациями), в которой, наряду с произведениями других выдающихся писателей мира, были опубликованы сказки Л.Н. Толстого «Ассирийский

царь Асархадон», «Три вопроса» и его легенда «Труд, смерть и болезнь».

Как и предполагал Толстой, издание в России сказки «Труд, смерть и болезнь» было запрещено цензурой. Что касается остальных двух сказок, то они на русском языке впервые были опубликованы в конце 1903 года или в начале 1904 года в издании «Посредника» «для интеллигентных читателей», второй раз уже дешевым изданием - тоже в «Посреднике» в 1904

году.

Итак, в начале века прогрессивная общественность выступила против «омерзительного кишиневского злодеяния», каким предстал перед всем миром кровавый еврейский погром 1903 года в Кишиневе. В общем хоре осуждения черносотенной политики русского царизма особенно громко и авторитетно прозвучал бесстрашный голос Л. Н. Толстого.

**Разгромленный дом Олидорта
на Ренийской улице**

**Разгромленные дома Мильмана
на Гостинной улице**

**Разгромленные деревянные лавки
на Новом базаре на Болгарской улице**

Николаевская улица

ECOUL MĂCELULUI DIN 1903

Stupoare, indignare, solidaritate cu victimele

Dumitru Hîncu, n. 5 mai 1922, Botoșani, eseist, editor, istoric, publicist, traducător, fost director al Centrului pentru Studiul Istoriei Evreilor din România

Remarcabil om de știință, cercetător al istoriei evreilor din România, Dumitru Hîncu este autorul unui mare număr de studii de specialitate privind sintetizarea și valorificarea mărturiilor și izvoarelor documentare care se referă la așezarea și manifestările evreilor din această țară, la rolul lor benefic în procesul de dezvoltare a științei și culturii iudaice, a spiritului de solidaritate cu evreii din alte țări, inclusiv cu populația evreiască din Basarabia.

Firesc, și ușor de înțeles, că cele petrecute la Chișinău în sumbra primăvara a anului 1903 au îngrozit și revoltat, în primul rând, populația evreiască. În editorialul săptămânalului „Egalitatea” – în fruntea căruia se afla M. Schwarzfeld, remarcabilul folclorist, etnolog și publicist – durerea și revolta ei au fost elocvent împărtășite în articolul „Reînvierea evului mediu”, din 18 aprilie 1903.

„Se credea că în Europa nu vor mai putea reînvia groazele evului mediu, că bestia nu se va mai dezlănțui din om... și, totuși, ne zguduie spectrul celor întâmplare la Chișinău în primele două zile ale Paștilor creștine. Acolo, mulțimea, beată de fanatism, beată de ura infiltrată în inimi s-a aruncat cu chiote de veselie asupra sinagogilor și caselor evreiești, a profanat cele sfinte cu o rafinărie ce întrece pe cea din evul mediu, evul fanatismului orb”...

Și ceva mai încolo:

„Cum... Cum fu posibil aceasta? Da, fu posibil, căci fanatismul orb nu domină numai masele, ci și straturile superpuse, dar acestea sunt mai pline de răutate și sălbăticie în ura lor oarbă și în ura lor calculată. În aceste condiții se înțelege cum de administrația a înlesnit jocul plebei. În loc de a opune piedici serioase, mai s-ar putea zice că jaful și omorul au fost înscenate și îndrumate de cei chemați la paza bunei ordini”.

Un rol funest în cele întâmplare l-a jucat ziarul „Besarabeț” care „... făcu pe plebe să

creadă că evreii au comis un omor ritual, că și-au frământat azimele în sângele unui copil creștin nevinovat. Preoțimea fanatică încuraja astă versiune infamă și, așa, în zilele sfinte ale Paștilor creștine, după răscolirea sentimentelor de ură prin reîmprospătarea Crucificării, porni acea izbucnire furioasă și sălbatică, setoasă de sânge, setoasă de bani! Două zile de-a rândul jaful și omorul continuă cu aceeași patimă și același dor de jaf și sânge”.

Și tot în același număr din „Egalitatea”, sub titlul „Impresii” cu subtitlul „Iarăși excese”, un articol semnat A.N.R., încerca să dea o idee ceva mai concretă asupra naturii sălbaticelor excese de la Chișinău, arătând: „în aceasta doar se rezumă, în două cuvinte, întregul program antisemit: rapt și exterminare.

Și cu vârf și îndesat îndeplinitu-s-a acest program la Chișinău: s-a ucis, s-a prădat și, în sacrilegiul ce comiteau, canaliile au intrat în temple și biserici, batjocorind cele sfinte. Nu le-a fost milă de nimic; unei mame i s-a spintecat pântecul; femeii și fecioare au fost siluite, nici strigătele copiilor înfricoșați nu i-au zguduit; în mersul lor victorios, modernii Atila călcau pe trupuri și pe inimi, dărâmând tot ce le ieșea în cale”.

Iar în impresionanta predică ținută în seara zilei de vineri 24 aprilie la Templul Coral din București, șef rabinul dr. M. Beck, cărturar de aleasă ținută morală și intelectuală, le-a spus enoriașilor adunați acolo în număr mare: „în multe cazuri pretinsul omor ritual a servit ca pretext pentru aceste năvăliri. S-a știut foarte bine că nu întrebuițăm sânge, nici la Paști, nici altă dată, dar dinadins au născocit această fabulă, ne-au acuzat cu intențiune de această crimă, spre a scuza criminalitatea lor proprie.

... Ar părea că asemenea acuzați monstruoase, care de demult s-au dovedit ca nefon-

date, ar fi imposibile în zilele noastre, veac poreclit cel de lumină, de umanitate, de cultură generală, de progrese incontestabile în toate terenurile: fiind, însă, vorba de evrei, orice crimă și nedreptate e posibilă. Pentru noi evul mediu n-a încetat încă, și astăzi se găsesc unii care asmut mulțimea fanatizată în contra noastră și cu toate că Statele dispun de armate puternice și de poliție vigilentă, a cărei atenție nu scapă nimic, nu se vede nici un soldat și nici un polițai când se dezlănțuie furia masei inculte și nimeni nu se opune măcelului, jafului, incendiului; de obicei se zice, în asemenea cazuri, răscoala era atât de neașteptată, furia mulțimii atât de irezistibilă că soldații și-au pierdut tot cumpătul și prezența de spirit și acestea le revin tocmai atunci, după ce sute de evrei au fost uciși, mii de oameni nevinovați și mortal răniți, averile altor mii nimicite și casele lor incendiate”.

Victimele pogromului de la Chișinău, aprilie 1903

Scrisori venite atunci de la rude și prieteni din Chișinău întrețineau și în populația evreiască din Vechiul Regat o stare de derută, îngrijorare și compasiune pentru cei atât de greu încercați. Ele relatau cum mulți inși lipsiți de apărare au fost schilodiți, cum unora li s-a tăiat nasul, buzele sau urechile, că mulți dintre răniți vor rămâne pentru totdeauna betegi...

Mai mult, pe măsură ce tabloul celor întâmplați la Chișinău se întregea, devenea

mai cuprinzător, veștile sosite în primul moment nu numai că nu se dovedeau exagerate, ci dimpotrivă, lacunare, incomplete. Și de aceea, ziarul „Țara” din 16 aprilie 1903 comenta: „Nicăieri... nici în barbarul Maroc, nu s-a înregistrat o dezlănțuire feroasă ca cea din zilele de Paști, în Chișinău. Nicăieri. Istoria modernă n-a însemnat orori ca acelea cu care pravoslavnicii Imperiului de la Nord au profanat sfințenia primelor două zile ale Domnului. Nicăieri, mișcarea antisemită n-a apărut ca în Basarabia moscovită sub chipul unei bestii neînfrânate în instinctul ei de a jefui și ucide... Ca și atunci, astăzi conștiința universală e uneori zguduită de explozia de sălbăticie asiatică a cărei victime a fost populația evreiască din Basarabia. Ca și atunci, conștiința universală repudiază un act care e o pată neagră în cartea civilizațiunii europene”.

La 25 aprilie, cotidianul „Evenimentul”, organ al Partidului Conservator, a publicat, un amplu reportaj asupra desfășurării masacruului, tradus din ziarul în limba rusă „Vedomosti”. Dată fiind lungimea textului, ne vedem nevoiți, să reproducem doar câteva fragmente mai sugestive.

„Sosește Dumineca Paștilor. Toate magazinele (adică magazinele – n.n.) erau închise, orașul având aerul de a fi în sărbătoare.

Vedere a uneia dintre străzi după pogrom

(...) Printre creștini se vedea circulând un oarecare număr de evrei veniți a petrece cu concetățenii lor. Spre amiază, deodată, mișcare se desemnă în mulțime; mai mulți fuse văzuți detașându-se din grupuri și fugind spre casă.

Ei erau urmăriți de mici grupuri (...) mai cu seamă băieți, care aruncau cu pietre în strigăte: «Dați în jidani»... Imediat mai multe grupuri se împrăștiară în mai multe direcțiuni. Cel mai principal se îndreptă spre Alexandrovskaia, dirijându-se spre Bazarul Nou. Niște uri formidabile izbucniră, scoase de mii de gâtlejuri saturate de alcool. Zgomotul ferestrelor sparte, a ușilor sfărâmate se confunda cu urletul și fluierăturile mulțimii care asedia și strigătele evreilor loviți, cu plânsetele femeilor și copiilor.

(...) Toți evreii întâlniți erau loviți până când își pierdeau cunoștința. Un evreu care fu zărit în tramvai, fu dat jos și lovit până se crezu că a încetat din viață.

Mizerabilele barăci ale oamenilor săraci fură cu totul distruse; tot ce s-a găsit în case a fost aruncat pe drumuri.

A doua zi, cu toate numeroasele patrule de cavalerie, care au circulat în timpul nopții, lucrurile luară o turnură și mai gravă. Agresorii erau înarmați cu ciomege, topoare și bare de fier. Magazinele cele mai bogate fură asaltate, deschise, marfa furată, distrusă și aruncată în stradă.

Mulți, dintre cei care pilau (jefuiau – n.n.) se îmbrăcau cu haine noi, chiar pe locul unde se făcea jaful; alții luau tot ce puteau și plecau liniștiți.

(...) Soldații în patrulă, cu arma pe umăr, chemau la ordine... pe briganzii a căror patimă era supraexcitată. Dar aceștia nu ascultau și continuau cu înverșunare opera lor.

Pe la amiază se știa că în diverse cartiere ale orașului, un mare număr de evrei au fost masacrați.

Nenorociții, cuprinși de panică, părăseau tot avutul și se ascundeau cu femeile și copiii unde puteau, în pivnițe și poduri.

În această zi toate străzile în care se puteau găsi locuințe evreiești au fost devastate. Sinagogile n-au fost cruțate... în strada Gostinaia sinagoga a fost prădată, totul sfărâmat, Tora ruptă și aruncată în stradă.

Marea sinagogă din piața Sienaia a avut aceeași soartă. Reprezentanții claselor bogate n-au găsit altceva mai bun de făcut decât să meargă în trăsură ca să vadă spectacolul.

Abia se liniștiră întrucâtva lucrurile și atunci se văzu apărând din cartierele joase ale orașului șiruri de trăsuri transportând bolnavii și morții. În alte trăsuri au fost strânse lucrurile ce au putut fi salvate din mâinile briganzilor.

Trăsurile erau urmate de femei și copii. Toți fugeau de locul unde atât sânge a fost vărsat, unde atâtea bogății au fost distruse.

Spitalul evreiesc, foarte mare, este transformat în local de ajutorare a celor răniți. Toate paturile sunt ocupate; în ziua de 8/21 aprilie erau 62 persoane grav rănite. Mulți sunt așezați pe jos.

Sunt 37 cadavre, din care unele de nerecunoscut. Strigătele femeilor și ale copiilor smulg lacrimi. Mizeria care domnește e înspăimântătoare”.

Câteva zile mai târziu, la 3 mai, tot „Evenimentul” a reprodus – transmis de corespondentul său, ocazional, din Chișinău – textul unei circulări a ministrului de Interne din Petersburg care făcea un bilanț al celor întâmplate și indica măsurile ce trebuiau luate pentru prevenirea unor „orori similare”, cum preciza ziarul bucureștean.

Cu ocaziunea turburărilor din Chișinău – preciza astfel circulara – au fost omorâți 45 de evrei, 74 sunt grav răniți și 350 mai ușor.

Aproape 700 de case evreiești și 600 ma-

Oameni afectați de pogrom

gazine au fost jefuite de antisemiți.

Raporturile dintre populațiunea creștină și cea evreiască erau bune până într-o vreme când se răspândi zvonul că evreii practică în guvernământul Cherson, în Kiev și în Chișinău omorul ritual”.

Zvonul, aflăm din același document oficial, a fost răspândit printr-o „mulțime de manifeste antievreiești”.

În fine, mai arăta circulara, guvernul îi făcea răspunzători de tot ce se mai putea întâmpla „pe șefii districtelor”, căroră le intima să „liniștească populația” și, la o adică, „să fie chiar ei de față, căutând ca prin ajutorul poliției și al armatei să reprime orice tulburări”.

Până atunci, s-ar putea deduce din cele de mai sus, autoritățile n-avuseseră asemenea îndatoriri.

După cum, același minister nu sufla o vorbă despre o proclamație a Consiliului duhovnicesc din Sankt-Petersburg tipărită la 4 februarie 1903 și distribuită chiar de poliție în Sâmbăta mare și Duminica Paștilor și incitând deschis la masacru.

Proclamația fusese intitulată – în traducerea ziarului „Adevărul” – „Pedeapsa Domnului pentru sacrilegiul făcut în contra icoanelor sfinte”. Ziarul izbutise să-și procure un exemplar pe care l-a și publicat în facsimil la 11 mai 1903, sub titlul „Un document inedit în chestia ororilor din Chișinău”.

Cu o zi înainte, același ziar, condus atunci de Constantin Miile, publicase în legătură cu această proclamație următorul articol semnat E.D.F. (inițialele lui Emil D. Fagure), ziarist și om de litere cu o îndelungată activitate în presa românească și intitulat „Grozăviile ignorantismului”.

Cititorii vor lua cunoștință în numărul de față de facsimilul (probabil din lipsă de spațiu, facsimilul a apărut, de fapt, a doua zi – n.n.) unei proclamații rusești din care dăm în românește un extract.

Sub forma unei întâmplări autentice se înșiră în stil evanghelic o fabulă despre o icoană a lui Christos batjocorită de evrei.

Ar fi de necrezut dacă n-am fi avut această proclamațiune la noi și n-am fi facsimilat-o înadins pentru a da o idee până unde oameni ai bisericii pot împinge mașinațiunile perverse în scop de a asmuți firile întunecate, instinctele necurate, favorizate de o atmosferă de ignorantism care împietrește de uimire mințile omului civilizată din veacul al douăzecilea.

Iată, dar, ce s-a servit la Chișinău sectarilor bolnavi și asasinilor de meserie care lucrează cu cuțitul în numele crucii; li s-a servit în Sâmbăta Paștilor o fabulă despre o icoană a Mântuitorului chinuită de jidovi până a început să picure de pe fața Mântuitorului stropi de apă și de sânge care au umplut o

Consecințele pogromului de la Chișinău

cupă adâncă, sânge cu care copii bolnavi au fost lecuiți, etc.

Trebuie să le vezi tipărite asemenea lucruri ca să-ti intre în cap că mai sunt cu putință după atâtea hecatombe de vieți omenești făcute pe altarul luminii și adevărului.

Proclamațiunea de care vorbim poartă titlul: „Pedeapsa lui Dumnezeu în contra profanatorilor de icoane”. Cine cunoaște din scriitorii ruși tipurile sectarilor va înțelege ce simt ei la citirea unor asemenea proclamațiuni și cum înțeleg ei să aplice pedeapsa lui Dumnezeu pe pământ asupra „profanatorilor de icoane”.

Grozăviile măcelului din Chișinău au arătat eficacitatea proclamației de care ne ocupăm”.

Iar trecerea timpului n-a făcut decât să completeze tabloul acestor grozăvii.

Delegatul Asociației evreilor germani aflat la Chișinău la jumătatea lunii mai 1903 spre a-și face o idee cât mai exactă asupra proporțiilor măcelului – relatea „Universul” din 16 mai – „raportează că au fost distruse șapte sute de case ale evreilor și șase sute de prăvălii”, dar și că nu mai puțin de „zece mii de evrei au rămas fără adăpost. Numărul evreilor uciși este de 45, al celor grav răniți trece de cinci sute”.

Amploarea și sălbăticia atrocităților săvârșite de o masă de inși manevrați de indivizi fără scrupule au cutremurat, deopotrivă, cugețele libere, spiritele luminate dinlăuntru imperiului țarist și opinia publică de peste hotarele acestuia.

Într-o scrisoare adresată ziarului german „Kleine Presse” și reprodusă parțial de „Adevărul” din 13 mai, Lev Tolstoi a ținut astfel să sublinieze:

„Relațiile mele cu evreii nu pot fi altele decât acelea ce le am față de niște frați pe care îi iubesc, nu pentru că sunt evrei, ci pentru că sunt, ca și toți oamenii, fiii unui tată și al lui Dumnezeu. Atitudinea mea față de crimele din

Chișinău e determinată și de concepția religioasă despre lume. Încă înainte de a cunoaște toate amănuntele, am simțit nu numai un sentiment de milă față de victimele nevinovate ale bestialității, ci și un sentiment de uimire față de gradul de îndobitocire a acestor creștini fățarnici și un sentiment de dezgust, precum și cea mai profundă greață, pentru oamenii așa ziși culți care ațâță masa. Mai ales, însă, am fost îngrozit de instigatorul măcelului, de guvernul nostru, de preoțimea lui care prostește și fanatizează oamenii, de banda avidă de jafuri a funcționarilor săi”.

Și tot atunci Maxim Gorki a declarat: „Tot mai des se petrec în țara noastră lucruri care o acopăr de rușine. Cea mai mare rușine însă, care deșteaptă groaza, rușinea și indignarea noastră este groaznicul măcel din Chișinău. Oameni care se cred creștini, care pretind că cred în Dumnezeu milei și carității, acești oameni s-au ocupat în zilele dedicate de dâșii serbării învierii din morți a Dumnezeului lor cu asasinarea de copii și bătrâni, cu violarea de femei, cu martirizarea și prădarea unor oameni din acea viță care le-a dăruit pe Crist. Ar fi nedrept să condamnăm «masa» care asasina pe evrei. Masa e numai o mână. Vina este conștiința stricată care a îndemnat-o spre aceste jafuri și asasinate”.

Iar la Petersburg, Asociația oamenilor de litere – se mai putea afla din „Adevărul” (nr. din 14 mai 1903) – organizase o adunare de protest împotriva barbariilor de la Chișinău, cu participarea a circa două sute de intelectuali de primă mărime ca: Mihalkowski, Nemirovici-Dancenکو, Voronțov, Batiușkov etc. Adunarea a votat o moțiune de condamnare a exceselor antisemite din Basarabia, din care citez: „Oamenii de litere din Petersburg, reprezentanți ai intelighenției, își exprimă simpatia pentru victimele oribilelor violențe și sunt adânc indignați de campania contra evreilor la care au participat și unele

organe ale presei rusești.

S-a făcut și o colectă în favoarea victimelor, la care au participat și cunoscuții publiciști Miliakov, Prokopovici și Kovalenko”.

Acțiuni similare se înregistrau, de altfel, – după cum comunica „Egalitatea” – în toată lumea civilizată. La Paris, un impresionant miting de protest la care au luat parte bine cunoscute personalități, studenți și cetățeni de toată mâna, a fost prezidat de cunoscutul istoric Anatole Leroy Beaulieu, secundat la tribună de nume ilustre ca Frederic Passy și Paul Violet, membri ai Institutului, istoricii Aulard și Seignobos, Charles Gide și Lyon-Caen.

Dar la fel cum sinistra fițuică „Besarabeț” din Chișinău, jucase un rol sinistru în pregătirea atmosferei și în dezlănțuirea masacrului de acolo și în presa din Vechiul Regat existau uscături care – dacă nu l-au putut provoca – încercau să-l justifice, să-i denatureze esența, ba chiar bucurându-se fără rușine de sângele curs. Foaia antisemită „Vocea Tutovei” (din 20 aprilie 1903) își asigura, bunăoară, cititorii că:

„Poporul rusesc, exasperat de jafurile și mișeliile jidovești, ne-a dovedit că știe să-și apere drepturile și averea sa”.

Spre cinstea presei românești din Vechiul Regat, acest soi de ieșiri au fost, însă, cu totul izolate și nesemnificative pentru atitudinea factorilor de opinie cu adevărat repre-

Ceremonie evreiască de înmormântare a cărților sfinte distruse de pogromiști

zentativi, cum erau în epocă ziarele „Adevărul”, „Evenimentul” – din care am citat mai mult – „Universul”, „Epoca”, „Observatorul”, „Gazeta Moldovei” ș.a.

Iar în ce privește populația evreiască, în sânul ei a început o vastă acțiune de adunare de fonduri pentru ajutorarea celor atât de greu încercați. Ziarul „Egalitatea” a deschis o listă proprie de subscripție. În același spirit, Comitetul de acțiune al mișcării sioniste a lansat un apel în care arăta: „Numai cu sfor-

țări comune va fi posibil a alina o parte a mizeriei create de omor și jaf”.

Foarte activă s-a dovedit și loja „Zion” a ordinului „B'nei B'rith”. După cum se cade să amintim și că, asociindu-se la protestul Comitetului Internaționalei socialiste, clubul socialist „România muncitoare” din București a organizat o adunare publică la sfârșitul căreia a fost, de asemenea, pusă în circulație o listă de subscripție pentru cei atât de crunt loviți la Chișinău.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ГРАДОНАЧАЛЬНИК

Карл-Фердинанд Александр Шмидт, р. 25 июня 1846 г., Бельцы - с. 9 марта 1928 г., Кишинев

„У нашего города никогда не было такого главы, как непревзойдённый

Карл Шмидт”, – писал его современник Павел Кузьминский. Его до сих пор считают непревзойденным эталоном примара.

Карл Шмидт (нем. Karl-Ferdinand Alexander Schmidt) родился 25 июня 1846 в городе Бельцы в смешанной германопольской семье Александра Карловича Шмидта, прибалтийского немца, титулярного советника из Ясского уезда, штаб-лекаря, и польки Терезы Тыских. В 1849 году семья Шмидтов переехала на жительство в Кишинев, где отец Карла Шмидта, служил хирургом во Врачебной управе Бессарабской губернии. Окончив кишиневскую гимназию, Карл Шмидт уехал получать дальнейшее образование в Киев, на физико-математический факультет Киевского университета им. Св. Владимира, и в Одессу, где в местном университете он изучает право, став впоследствии доктором юридических наук. Вернувшись в Бессарабию, он занимал разные должности, связанные с юриспруденцией, в Бендерах (Тигине), Аккермане, Кишиневе.

В кресло кишиневского примара Карл Шмидт попал после того как действующий

градоначальник погиб во время пожара в городском театре. На срочном заседании кишиневской городской думы 17 сентября 1877 г. 31-летний советник единогласно был избран на должность главы города, в которой он находился более четверти века. С самого начала градоначальник столкнулся с множеством проблем. В Кишиневе не хватало всего — начиная от водопровода, света и транспорта и заканчивая зданиями для основных государственных учреждений. Казна городской думы пустовала, улицы тонули в грязи...

Во многом Кишинев оставался еще не обустроенным городом с незначительными европейскими чертами в виде нескольких строений в самом центре. У Карла Шмидта была мечта – сделать город соответствующим своему статусу губернской столицы. Особое внимание им было уделено благоустройству улиц: мощению гравием и гранитной брусчаткой, строительству тротуаров, установке дренажных труб и бордюров.

Остро стояла проблема снабжения города питьевой водой и канализацией. В конце 1892 года была сдана в эксплуатацию первая очередь городского водопровода. Это было началом современной эпохи в питьевом водоснабжении Кишинева.

В 1889 году появился городской транспорт – «конка»: трамвайные вагоны, приводимые в движение конной тягой. Карл Шмидт стоял у истоков электрификации города. Впервые электрическое освещение появилось в городском саду в 1892 году. В то же время появились и первые электростанции. Итогом первого десятилетия деятельности Карла Шмидта стало строительство нового здания городской думы. Работы выполнялись под руководством известного архитектора Александра Бернардацци, который придал архитектурному облику здания изящество и неповторимость.

Особо хочется отметить роль творческого союза этих двух незаурядных личностей в истории города: непревзойденного головы Кишинева Карла Шмидта и замечательного архитектора Александра Бернардацци. Этот союз был основан не только на общем желании сделать Кишинев настоящим европейским городом и

благоустроенным местом проживания его жителей, но и на общих духовных устремлениях. Хотя родители Карла Шмидта были католиками, сам он прошел обряд конфирмации в лютеранской общине. Некоторое время он был председателем Евангелическо-лютеранского совета Кишиневской общины, а позднее – постоянным членом ее Попечительского совета.

Архитектор Александр Бернардацци был лютеранином, и это сыграло немаловажную роль в сближении интересов этих двух выдающихся людей. Дружба К. Шмидта и А. Бернардацци определила появление в Кишиневе многих красивых построек европейского типа, таких как здание Окружного суда, водонапорных башен, комплекса зданий костюженской лечебницы и т. д. На деньги состоятельных людей возводились и другие архитектурные шедевры: гимназия княгини Дадияни, греческая церковь, капелла женской гимназии, хоральная синагога, здание Благородного собрания. Было начато строительство больниц, построены мосты.

За 26 лет его управления Кишиневом город преобразился. Особое внимание уделял Карл Александрович проблеме культурного развития столицы. Он стремился превратить Кишинев в культурный центр. При нем открылся первый бессарабский музей — Музей земства. В центре города появился Ботанический сад, а недалеко от водонапорных башен — Пушкинский театр. Территория городского парка была обнесена заказанной в Одессе изящной чугунной оградой. Появился памятник А. Пушкину. Городские власти постоянно устраивали концерты, была учреждена музыкальная ассоциация «Гармония».

Безусловной заслугой градоначальника стало улучшение социальной поддержки населения. Были открыты приюты для бездомных и сирот, лицеи, больницы, устраивались бесплатные обеды. В частности, построена больница, носящая имя великого врача Тома Чорбы.

Появились художественное и коммерческое училища. Были даже серьезные планы открыть в Кишиневе университет. В таком многоязычном городе, каким был Кишинев (здесь проживали, помимо молдаван и русских, также евреи, армяне, болга-

ры, греки, турки), важно было поддерживать толерантность в обществе. И Карлу Шмидту это удавалось - он позволял строить армянские и греческие капеллы, еврейские синагоги. В отношениях с молдаванами городской голова безукоснительно соблюдал принцип уважения и доброго управления. К. Шмидт знал румынский язык и слыл знатоком местной культуры. Он являлся основателем и действующим членом многих филантропических и благотворительных организаций.

Шмидтом были приложены колоссальные усилия для нормализации межэтнических отношений в городе. Однако, несмотря на это в 1903 году разразился печально известный еврейский погром. После случившегося, градоначальник со свойственной ему бескомпромиссностью, волевым решением сложил с себя полномочия Городского главы. Но ввиду беспрецедентной степени доверия, оказываемой ему гражданами, он остался мировым судьёй и продолжил активно участвовать в жизни своего города вплоть до самой смерти. Карл Шмидт скончался 9 апреля 1928 года. Ему был 81 год. Известный летописец Кишинева Георгий Безвиконный писал: «На лютеранском кладбище скромный холм возвышается над могилой самого выдающегося градоначальника Кишинева - Карла Шмидта».

И даже после смерти Карл-Фердинанд Шмидт остался верен себе: по его распоряжению вместо пышной похоронной церемонии были организованы самые скромные проводы и над его могилой вместо памятника был установлен обычный деревянный крест. Все сэкономленные деньги были направлены на благотворительные поминальные обеды.

Ещё при жизни он удостоился значительных почестей. В частности, его именем назвали улицу. Шмидт удостоился многих наград (ордена Святого Станислава, Святой Анны, Святого Владимира) и одного из высших в Российской империи званий — действительного статского советника. Обычно признание и почёт приходит к заслужившим это людям лишь после смерти,

ввиду того, что современники не всегда способны оценить вклад, сделанный их великим соотечественником. В случае с Карлом-Фердинандом Шмидтом всё было по-другому. Если в межвоенный период, когда Кишинёв находился под администрированием Румынии, не стали переименовывать улицу Карла Шмидта, то уже с приходом советской власти, после войны, улица стала именоваться Сталинградской, а могилу градоначальника (вместе с могилой Бернардацци) стерли с лица земли. Могила Карла Александровича не сохранилась, и не время тому виной. На месте лютеранского кладбища, где он был погребен, построили кинотеатр «40 лет ВЛКСМ» (ныне «Гаудеамус»).

Было бы несправедливо не упомянуть о семье Карла Шмидта. У этого достойного человека были достойные жена и четверо детей. Карл Шмидт был женат на Марии Кристи, дочери помещика Иоана В. Кристи, предводителя бессарабского дворянства и председателя губернского земства. В их семье было четверо детей: два сына и две дочери. Сын Карла Шмидта Александр также был кишиневским градоначальником с 1917 по 1918 год. Дочь Татьяна (1881-1945) — была замужем за Иваном Антоновичем Мануйловым. В 1940 году была с мужем арестована и сослана, в этом же году муж умер по дороге к месту ссылки, а она умерла в Казахстане.

Необходимо не оставаться в стороне и не забывать тех, кто вкладывал душу в развитие этого города. 10 мая 2014 года в Кишинёве был открыт памятник Карлу Шмидту. В церемонии открытия приняли участие председатель парламента Молдовы Игорь Корман и вице-председатель Бундестага Германии Улла Шмидт.

Источники:

1. Iurie Colesnic. *Chişinău de ieri și de azi*. Chişinău: Print Caro, 2020. 244 p.
2. Ana Grițco. *Carol Şmidt. Întoarcere în timp*. Chişinău: Bons Offices, 2014. 159 p.
3. Шмидт, Карл Александрович. Disponibil: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шмидт,_Карл_Александрович.
4. Карл Шмидт (Karl-Ferdinand Alexander Schmidt) (1846-1928). Disponibil: https://visit.chisinau.md/ru/obiective_turistice/carol-schmidt-karl-ferdinand-alexander-schmidt1846-1928/

Мирослава Метляева, док. филологии

***Дорогие пользователи журнала
„АРХИВАРИУС“!***

Приглашаем вас к сотрудничеству с нами. Если у вас есть интересные архивные материалы: рукописи, фотографии, старые издания, видеоматериалы, семейные хроники и т.д., приносите их нам в Библиотеку „Ицик Мангер“, или присылайте по электронной почте.

**ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА – КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
им. ИЦИКА МАНГЕРА**

**Филиал Кишинёвской муниципальной
библиотеки им. Б. П. Хашдеу**

Адрес: ул. Евгений Дога 4,

Кишинев 2005, Республика Молдова

сайт: <http://sector-analitica-si-relatii-externe.blogspot.com>;

<http://ebraika.ru>

e-mail: mangher.bibl@gmail.com